

УДК 111; 141; 7.011.4

ФЕНОМЕН САМОТВОРЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО СВЕРШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Думинская М.В.

ГОУ ВПО «Сургутский государственный педагогический университет», Сургут, Россия (648404, Сургут, ул. Артема 9, СурГПУ, корпус 2), e-mail:marina-duminskaya@yandex.ru

Статья посвящена проблеме онтологической саморепрезентации человека в современном обществе. Показано, что популярные способы самовыражения и самоутверждения не приводят к экзистенциальному самоосуществлению личности. Обосновывается необходимость экспликации феномена самотворчества с позиций экзистенциальной онтологии. Человек рассматривается как экзистенциальный субъект самотворения собственной жизни. Самотворчество раскрывается как сущностное проявление экзистенциального свершения личности. Проясняется смысловое содержание таких характеристик самотворчества, как «онтологическое собирание» и «онтологическое приращение», непосредственно взаимосвязанных с реализацией способности трансцендирования. В результате утверждается идея онтологизации самотворчества как неотъемлемого свойства жизни, связанного с возможностью осуществления экзистенциальных событий эстетического самовыражения личности, не разрушающего фундаментальные основания Бытия.

Ключевые слова: эстетическая онтология, самотворчество, экзистенциальное событие, онтологическое собирание, онтологическое приращение, трансцендирование, экзистенциальное свершение личности.

SELF-CREATIVITY PHENOMENON IN THE CONTEXT OF THE EXISTENTIAL FULFILMENT OF THE PERSONALITY

Duminskaya M.V.

Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia (648404, Surgut, Artem 9, SurGPU, block 2); e-mail:marina-duminskaya@yandex.ru

Article is devoted to a problem of ontologic self-representation of the person in modern society. It is shown that popular ways of self-expression and self-affirmation do not lead to existential self-implementation of the personality. Need of an explication of a phenomenon of self-creativity within existential ontology it is proved. The person is considered as the existential subject of self-creation of own life. Self-creativity reveals as intrinsic manifestation of an existential fulfillment of the personality. The semantic maintenance of such properties as "ontological collecting" and "an ontological increment" is examined, directly related with realization of ability of transcending. The idea of ontological statement self-creation as an essential quality of life as a result is approved. This is due to the possibility of the introduction of existential events of aesthetic expression of personality, which do not destroy the fundamental basis of authentic Existence.

Keywords: aesthetic ontology, self-creation, existential event, ontological collecting, ontological increase, transcension, existential fulfillment of the personality.

Облик современной онтологии весьма многолик, ее образы (антропологический, феноменологический, экзистенциальный, герменевтический и др.) постоянно взаимодополняют, взаимообогащают друг друга. Сегодня, как тонко подмечает Т.М. Шатунова, что «нет смысла говорить о возврате современной философии к какой-то существовавшей ранее форме онтологического мышления. Бытие на протяжении человеческой истории постоянно поворачивается своими разными гранями, создавая каждый раз новое «событие бытия».<...> Вот почему, говоря об онтологизации всей не- и постнеклассической философии, необходимо еще и видеть, как сегодня бытие является человеку, какой может быть современная онтология» [11, с. 45-46]. Здесь важно не потерять устойчивость в ее исходном эстетическом основании, пронизывающим собою все возможные образы онтологического «видения», и ка-

кой бы облик не принимала онтология вчера, сегодня, завтра она всегда открыта нам в свете своей эстетической изначальности.

Данная работа не является в этом плане исключением, поскольку обращена к проблеме определения подлинной саморепрезентации человека в современном обществе, выводящей к необходимости прояснения экзистенциального смысла феномена самотворчества (не мыслимого вне контекста эстетического рассмотрения). Чем, собственно, вызвана необходимость обращения к его прояснению? Вполне очевидно, что существование человека, обусловленное приоритетностью ценностей, заданных обществом потребления, побуждает заявлять о себе определенным образом, иными словами саморепрезентироваться, тем самым утверждая свою самобытность, уникальность, исключительность и т.д. по сравнению с другими. И получается так, что для решения этой первостепенной задачи столь актуальной на уровне повседневной действительности оказываются все средства «хороши»: эпатажность поведения и создание вокруг собственного Я сенсаций; скандальность, «крикливость», шокирование и манипулирование сознанием; ниспровержение авторитетов и стремление «сделать свое имя», посредством привлечения к себе внимания неадекватными способами самовыражения; «погоня» за особым имиджем и дублирование популярных образов – все это наиболее яркие и популярные формы самопрезентирования субъекта, желающего так или иначе самоутвердиться в современном обществе. Проявление «перформанса» в частности характерно для некоторых деятелей современного искусства, выдвигающих в качестве произведения искусства самих себя, например, художник-постмодернист В. Мамышев, изображающий себя в образах различных исторических персонажей или О. Кулик, представший перед зрителями в образе человека-собаки, живущей в железной клетке, который таким способом пытался выразить «свое отношение к политическому аспекту американской жизни» [3].

Все это имеет место быть и находит свое широкомасштабное проявление на фоне повседневного развития событий нашей многогранной жизни. Однако когда человек при этом заявляет о своих притязаниях «быть личностно воспринятым и востребованным Другим», здесь уже возникает диссонанс между желаемым и достигнутым, поскольку происходит стирание соответствия между заявленным вектором целеполагания и истолкованием сути желаемого. Ведь избрание популярных способов самоутверждения, вызывающих отклик внутри массового общества (порой приобретающих даже антисоциальный характер), будучи пронизанными идеей утверждения абсолютной, беспредельной свободы, на самом деле не только не имеет ничего общего с феноменом подлинного самотворчества, а, напротив, лишь фальсифицирует его сущностные основания (как в процессуальном, так и результативном планах рассмотрения). За подобными способами самоактуализации подлинность Я угасает, исчезает, поскольку, втягиваясь в соблазн псевдоосуществления, человек все более отдаляется от воз-

возможности личностного самораскрытия. Обретение общественной популярности, самоутверждение через признание со стороны других своего особого статуса, стремление заставить говорить о себе (вне зависимости от характера содержательной стороны обсуждения), желание быть ярким и востребованным в популяризированной парадигме общественных практик повседневной реальности – все это, в сущности своей, не является экзистенциально значимым событием в жизни субъекта и как результат не имеет ничего общего с событием самотворения как такового.

В связи с вышесказанным, в фокусе внимания оказывается на первый взгляд простой вопрос: что значит творить себя? Может быть какие-то технологии самотворения и путь к разрешению проблемы состоит всего лишь в освоении определенных приемов и навыков? И здесь мы вынуждены усложнить ситуацию, отвечая, что, отнюдь, самотворчество не сводится к ремесленному самовоспроизведению. Это не ремесло, которое предполагает разработку технологий безупречного творения собственного Я. Более того и сама «успешность», если так можно выразиться, самотворчества не определяется умением применять какие-то навыки подведения Я под некие субъективные идеалы или уже признанные в обществе устойчивые эталоны самовыражения. Равно как самотворчество не сводится и к воспроизведению различных модификаций собственной репродукции. Пользуясь терминологией Ж. Бодрийера [2], оно не должно подменяться самовоспроизводством симулякра, искажающего онтологическое своеобразие Я, где наиболее яркими его характеристиками выступает бессодержательность и отсутствие эстетической формы. Все выше перечисленное есть вариации самопроявления, не имеющие никакого отношения ни к эстетическим, ни к экзистенциальным характеристикам самоосуществления личности.

Так что же имеется в виду, когда речь идет об экзистенциально-эстетическом самопреображении человека как субъекте самотворчества? Исходным ориентиром, определяющим пространство предстоящих изысканий, выступают положения, заданные в пределах фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, раскрывающие онтологическую природу Dasein (вот-бытие) [8]. Человек с позиций экзистенциальной онтологии понимается, прежде всего, как экзистенциальный субъект, который «...лишь экзистируя есть своя самость» [10, с.117]. Dasein предстает как распостертое в мир существование, подлинность личностного бытия которого открывается в актуализации возможности выходить за пределы налично данного, уже упорядоченного, освоенного, обжитого, устоявшегося жизненного мира.

Далее, оставаясь в русле экзистенциальной онтологии, зафиксируем положение, вокруг которого будет вращаться дальнейший ход наших рассуждений: «самотворчество» есть сущностное проявление «экзистенциального свершения» личности. Здесь стоит остановиться более подробно на раскрытии авторской позиции в отношении понимания «свершения»,

имеющего, как видим, непосредственное отношение к интересующему нас феномену «самотворчества». Прежде всего, мы исходим из того, что экзистенция в сущности своей пронизана самой «возможностью свершения» – это имманентно заложенная способность человека входить в «просвет бытия» (М. Хайдеггер). В свершении (Ereignis) происходит развертывание сущности бытия: через обретение, становление Dasein, через события сбывания собственной бытийности и осуществляется свершение Бытия как такового [6]. Причем здесь важно удержание некой двойственности «свершения», мыслимой как возможность «выставленности» в открывшейся горизонт онтологической неопределенности, изначальности и одновременно с этим как возможность «сбывания» Dasein в собственной определенности – свершенное событие собственной бытийственности.

В экзистенциально значимых событиях свершения, таким образом, происходит обнаружение подлинности своего бытия и открывается перспектива предстоящего сбывания (онтологической проявленности собственного Я). В целом этот процесс можно определить как «экзистенциальное свершение», которое целиком захватывает нас, представляя собой принципиально незавершенную процессуальность развертывания бытия личности в различных онтологических уровнях и модусах осуществления [3]. Разработка автором концепции «экзистенциального свершения» потребовала введения в обиход и экспликации целого ряда понятий, которые непосредственно соотносятся друг с другом, актуализируя его смысловую составляющую. Одним из таких понятий выступает «самотворчество», поэтому мы перемещаемся в центр экспликации его сущностного содержания. В данной работе внимание акцентируется на прояснении сущностной характеристики самотворчества как процесса онтологического «собирания» и «приращения».

Самотворчество как процесс «онтологического собирания». События эстетического свершения имеют экзистенциальную значимость и не являются сами по себе чистым самовыведением, самопроявлением Я на поверхности бытия, а предполагают прорыв за границы некогда проявленного, выведение к необозримо и качественно иному – самотворению, возможного в границах образного, творческого самосозерцания. В этом событии открывается путь к онтологическому самораскрытию Я, возможному через обнаружение бесконечной неисчерпаемости внутренних ликов своей самости, воспринимаемой в контексте самотворения личностного начала. Это означает, что на личностном уровне самотворчество разворачивается как «собираение» себя в онтологическом смысле, что предполагает его архитектурное оформление (пользуясь терминологией М.М. Бахтина), ведущего к возникновению «внутренней, более сложной и живой, реальности» [5]. Это значит, что энергия порождения и бесконечности перерождения онтологического смысла, заключенная в архитектонике личностного бытия, возможна не в модусе пассивного пребывания Я (со-присутствующего су-

щего в лоне Бытия наряду с Другим налично данным в действительности), а в состоянии непрерывной подвижности, постоянном самообновлении через открытость (невыразимое, «живое», подлинное) его онтологических границ, допускающим возможность интенционального выдвигания навстречу Другому.

Что же все-таки означает, когда человек выражает себя в субъективной саморепрезентации как субъекте самотворчества? В определенном смысле он выступает как художник собственной жизни. И здесь прежде всего речь идет о возможности качественного преобразования его личностного начала. Причем успешность или не успешность данного процесса не определяется наличием критических, неодобрительных отзывов со стороны Другого. Выпадение из поля внимания Другого, присутствие в состоянии самозабвения в Бытии, отсутствие признания и особой заинтересованности (эстетической) со стороны Другого как исключительному, неповторимому личностному началу – это показатели одного характерного для самотворчества пограничного состояния (Я «присутствию-отсутствию» для Другого). Здесь имеет значение сама устремленность к качественному (онтологическому) самопреображению и самопроявлению в качестве такового, к свершению события эстетически и экзистенциально значимого для себя самого, собственно эта качественность и является тем источником притяжения, который инициирует по отношению к себе эстетически настроенного Другого.

Самотворчество как «онтологическое приращение». Обоснование этого положения отсылает к способности трансцендирования, заложенной в самой процессуальной структуре свершения, которая является выражением экзистенциальной потребности человека в онтологическом самоосуществлении, задающим перспективу преодоления имманентной данности бытия [3, С. 36]. Она выступает условием возможности исполнения Dasein в своем собственном бытии. В «свершении» сосредоточена устремленность к переходу в качественно новое измерение – экзистенциально значимому событию, распаивающему, расширяющему онтологический горизонт подлинного осуществления. В этом смысле экзистенциальная значимость свершения выражается в самотворчестве, рассматриваемом как возможность онтологического «прироста». Этот момент особо подчеркивается в работе А.А. Осанова, в которой свершение трактуется как «развертывание или «высвечивание» бытия – это своего рода накопление или «прирост бытия», который происходит только через человека и посредством того, что человек открывает в мире, прислушиваясь к окликанию бытия (круг замыкается, и человек оказывается вписанным в его нутро)»[5]. Самотворение выступает качественной характеристикой свершения: личность свершается не столько как данность со-присутствующая в Бытии, сколько как непредзаданная открытость Бытию; обнаруживая себя в хаосе, неопределенности, неразличимости сплетения пока еще неоформленных потенций своего предсто-

ящего бытийствования, она оказывается непосредственно «вплетенной» в процессуальность всеобщего онтологического свершения.

Самотворчество, исходя из вышесказанного, обуславливает раскрытие перспективы собственного восполнения, превосхождения, самоактуализации потенциальных возможностей, т.е. в спектре открытия возможных модусов свершения. Это значит, что в отношении личностного бытия можно говорить только как бесконечности самотворчества, претворяющем свое раскрытие, обнаружение, усложнение, совершенствование, т.е. как свершающемся бытии (но не как о застывшем, ставшем, уже-состоявшемся, сбывшемся и т.д.). Посредством интуитивно-образных способов отношения к Другому раскрывается творчески-продуктивный потенциал самоприращения на различных этапах свершения личности. Создается поле для энтропии, трансформации онтологических оснований, выбрасывающих за пределы налично данного повседневного существования.

И вновь вернемся к вопросу, что же означает – творить свое бытие? Как уже отмечалось, вариативность ответов рождается в сфере взаимопроникновения эстетического и онтологического начал, где бытие человека разворачивается как «эстетическое свершение», а само проявление жизни раскрывается как художественное творение бытия. Человек воплощается в подлинных актах своего свершения, т.е. творит свое бытие (созидает произведение своей жизни), раскрываясь в бытии присущим ему способом. Но далеко не каждый поступок, деяние может стать событием экзистенциального свершения (творением), а только тот, в котором, пользуясь терминологией М. Хайдеггера, совершается раскрытие-обнаружение, становление и совершение «истины сущего» [9, С. 280-281]. Разворачивая данный фрагмент, можно продолжить: «Я совершаюсь» и этот процесс осуществляется через раскрытие полноты своей собственной экзистенциальной сущности. Через феноменальный план бытия «Я» делаю «видимым» путь своего экзистенциального свершения. И пусть эта прорывающая в реальное *видимость собственного бытия* кажется ничтожной каплей из необъятного горизонта заложенных «во мне» возможностей, но тем не менее она является свидетельством напряженности «моего экзистенциального свершения» в бытии. Выраженность «моего» свершения (в эстетическом смысле) – есть событие сбывания «моего» подлинного присутствия, представленного в бытии, что, используя терминологию Г.-Г. Гадамера, можно назвать «осуществленным присутствием» [1, С. 662]. Событие самотворения есть способ «репрезентации свершения» – событие бытия, благодаря которому «... тотчас же происходит прирост бытия» [1, С. 188], а значит, и преодоление о-пределенности того, что наличествует как явно данное, конституируемое гранью, отделяющей от возможного перехода в «иное», которое, согласно С.Л. Франку, своим конституирующим признаком объявляет онтологическую неисчерпаемость [7, С.240]. Посредством интуитивно-образных (эстетических) спосо-

бов отношения к Другому раскрывается творчески-продуктивный потенциал самоприраще- ния на различных этапах свершения личности. Создается поле для энтропии, трансформации онтологических оснований, выбрасывающих за пределы наличной действительности.

Таким образом, значимость онтологической функции творческого начала заложена в основных положениях онтологических и эстетических воззрений М. Хайдеггера, отталкива- ясь от идейного содержания которых, мы попытались выразить сущность самотворчества как неотъемлемого свойства самой жизни, связанного с непосредственным обнаружением и пре- одолением разрывов внутри фундаментального проекта Бытия (как феноменальном, так и в ноуменальном планах), т.е. с превосхождением повседневного, обыденного уровня суще- ствования. Самотворчество, рассматриваемое как способ экзистенциального самовыражения личности, выступает своеобразным транслятором онтологического «здоровья» субъекта. Ведь это своеобразный путь к открытию подлинности своего бытия, посредством эстетиче- ски-интуитивного «видения». Принадлежность субъекта к миру сущего словно растворяется в свершении подлинности бытия, которая открывается в искусстве творения собственной жизни – онтологии эстетического свершения личности, что прежде всего связано с эстетиче- ским переживанием (катарсисом) себя в качестве «живого», бытийствующего Я.

Список литературы

1. Борийяр Ж. Симулякры и симуляция // Философия эпохи постмодерна. – Минск, 1996. – С. 48-73.
2. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер с нем. / общ. ред. и выступ. ст. Б.Н. Бессонова. – М., 1988. – 704 с.
3. Думинская М.В. Онтологические аспекты экзистенциального свершения личности: монография. – Томск: СТТ, 2013. – 152 с.
4. Мироненко Е.А. Смысловое содержание творчества художника в современном обще- стве // Знание. Понимание. Умение. – 2010, № 4. – С. 243-247.
5. Осанов А.А. Смыслотворческие интенции сознания и человеческое бытие [Электрон- ный ресурс] // Смысл человеческого бытия. – Владимир, 2002. – URL:<http://library.by/portalus/modules/philosophy/> (дата обращения: 12.05.2015).
6. Поздняков М.В. Понятие «бытия» в философии М. Хайдеггера в 20–30 годы: От «Бы- тия времени» до «Статей по философии»: дис... канд. филос. наук. – М., 2000. – 138 с.
7. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Франк С.Л. Сочинения. – М.: Правда, 1990. – 607 с.

8. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – М. : Ad Marginem, 1997. – 451с.
9. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: трактаты, статьи, эссе. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 264-312.
10. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – С. 117.
11. Шатунова Т.М. Эстетизация пространства современного философского знания / Т.М. Шатунова // Вестник ТГУ. – 2007. – Вып. 12 (56). – С. 44-51.

Рецензенты:

Корниенко А.А., д.филос.н., профессор кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск;

Никитина Ю.А., д.филос.н., профессор кафедры философии Института социально-гуманитарных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета, г. Томск.